

Илья Салов

Мельница купца Чесалкина

Илья Салов

Мельница купца Чесалкина

«Public Domain»

1877

Салов И. А.

Мельница купца Чесалкина / И. А. Салов — «Public Domain»,
1877

«Утро было восхитительное; туман расстился над Ильменем, то поднимаясь и выказывая зеркало воды с разбросанными здесь и там камышами, то опускаясь пеленой и закрывая все от любопытного взгляда. Мельница и вообще все мельничное строение, в том числе и брусяной новенький флигель, отлично покрытый соломой, с резным крылечком и зелёными ставнями, смотрели весело и уютно, прижимаясь друг к другу, чтобы теплее было в это свежее осеннее утро. Громадные старые ветлы возвышались здесь и там, далеко раскидывая в воздухе свои чудовищные ветви. Лист на них уже желтел и, падая на землю, покрывал ее желтым ковром. Мужики, покрытые мукой, сустились вокруг мельницы, то взбегая по лестнице на вышку, то спускаясь вниз и исчезая в растворенной мельничной двери. Колеса шумели, сита дружно и торопливо стучали, как будто стараясь заглушить поспешный стук ковша...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Илья Александрович Салов

Мельница купца Чесалкина

Посвящается А. В. Зименко

Случалось ли вам когда-нибудь ловить, или, по местному выражению, бить рыбу острой? Если не случалось, то я расскажу, как это делается. Острога есть нечто вроде небольших железных вил, на зубьях которых устраиваются бородки, какие делаются на удочках, чтобы рыба не соскакивала. Острога имеет три-четыре таких зуба, смотря по величине рыбы, которую намереваются бить, и насаживается на легкий шест аршина в четыре. Затем на носу небольшой лодки пристраивают железную решетку, на которую кладут смолье (так называют у нас сухие пни и корни сосновых или еловых деревьев), – и все готово. Ловлю рыбы острой производят по ночам, обыкновенно осенью, когда водяные растения падают на дно и когда вода делается совершенно прозрачною. Я пробовал охотиться и летом, но выходило неудачно. Для охоты этой выбирают места неглубокие; лучше всего большие пруды, на которых есть мельницы и вода которых, вследствие этого, широко разливается по отлогим берегам. На таких прудах или озерах, глубина которых достигает не более двух-трех аршин, дно освещается великолепно, и вы отлично можете видеть спящую рыбу. Пристроив острогу и лодку, вы берете с собой человека, умеющего управлять веслом, и, когда достаточно стемнеет, разжигаете наложенное на решетку смолье и тихо, осторожно выезжаете на добычу. Лодка должна плыть медленно, неслышно, чтобы шумом и плеском воды не разбудить рыбу. Тот, кто правит лодкой, садится на корму, а тот, кто с острой, становится на носу возле огня и, держа острогу наготове, зорко смотрит на освещенное дно... И вот перед вами раскрывается весь подводный мир, со всеми его мельчайшими подробностями. То же самое озеро, в котором вы купаетесь каждый день, по камышам которого чуть не каждый день охотитесь по уткам, словом – то самое озеро, которое расстилается широкой серебристой скатертью перед окнами вашего деревенского дома и над поверхностью которого целыми стаями летают белые чайки, ловко выхватывая из воды мелкую рыбу, – вдруг преобразается во что-то незнакомое, таинственное, и вы невольно восклицаете: «Да что же это!.. где же я?..» Вы смотрите – над вами черное осеннее небо, кажущееся еще чернее от пылающего возле вас смолья. Вы оглядываетесь по сторонам, – и опять та же непроглядная мгла. Лодка движется медленно, но вам кажется, что двигаетесь не вы, а эти освещенные огнем камыши, тальники и водоросли. Иногда лодка врывается в густую группу камыша; вы подаете ее назад, и вдруг загораживает вам путь частый тальник. «А где же мы?» – говорите вы. Смотрите по сторонам, но мрак окутывает вас кругом. Вам видно только небольшое пространство, облитое пламенем, вы видите лицо своего спутника – багровое, с блестящими глазами; видите лодку, чуть-чуть колышающуюся воду, а внизу, тотчас же под лодкой, освещенное дно. Вот проползло растение, похожее на эйхгорнию, листовые стебли вздутые, наполнены воздухом; целый пучок корней пустило оно в воду. Это растение постоянно плавает... Вот на самом дне трава с тупыми сердцевидными листьями, расположенными кистями, весьма похожая на ализму; вот корни бодяги, покрытые паразитами; вот целая куча папоротников, и тут же, возле лодки, в воде, что-то вроде прямой палки, черное, неподвижное... Всматриваетесь и убеждаетесь, что это не палка, а спящая щука. Она стоит совершенно неподвижно, точно окаменевшая, и кажется вам, что она почти на поверхности воды. Сердце ваше дрогнуло, руки затряслись, вы наводите острогу, осторожно погружаете ее в воду, приближаете как можно ближе к щуке, соразмеряете силу удара с пространством, отделяющим рыбу от остроги, делаете мгновенный толчок... Увы! на остроге нет ничего! Вы только зацепили и вытащили наружу водяную поросль, а щуки нет... Оказывается, что удар ваш был неверен; ваш глаз был обманут, и щука, которая казалась вам так близко стоявшею к поверхности воды, на самом деле стояла от нее

аршина на полтора глубже. Ударом вашим вы произвели шум и переполошили все население озера. Камыши заколыхались, закрикали утки, с шумом поднялись с ночлега, и темный мрак ночи наполнился торопливым свистом их крыльев. Шарахнулась цапля, вскрикнула чайка, в воде засуетились раки, метнулась щука; целая стая куличков-песочников испуганно пролетела почти над вашей головой; замахал над вами чибис белыми крыльями и в ту же минуту скрылся во мраке... Но вот мало-помалу все снова затихает. Вы слышали, как утки шлепнулись на воду, как опустилась цапля, как кулички просвистели, но уже далеко. Смотрите на воду, но и вода тоже успокоилась, круги улеглись, и снова она под вами раскинулась как зеркало. Вы плывёте на другое место. Под вами песчаное дно, все усыпанное раковинами; вы замечаете на песке бороздки, разбегающиеся в разные стороны: это – след переползавших улиток. Вот задорно стоит целая стайка ершей, но бить острогой их не стоит, потому что рыба эта слишком мелка; вот маленький шуренок, неподвижно вытянувшийся, словно ткацкий челнок; а вот опять водяное растение, и на этот раз перед вами прелестная голубая роза. Это – одно из самых роскошных и красивейших водяных растений. Длинные листья его плавают по поверхности воды, и из середины их высовываются самые цветки. Но вы минуете их так осторожно, так тихо, что даже не потревожили ни одного листка. Вот прополз мимо камыш, вот куст тальника, вот на дне, точно исполинская пиёвра с растопыренными мохнатыми лапами, черная как уголь, лежит коряга; вы делаете знак гребцу, минуете это чудовище, смотрите зорко на дно, и опять перед вами щука... Снова делаете гребцу знак, лодка останавливается, острога пущена, и на этот раз она заметалась в руках ваших, вы чувствуете тяжесть на ее зубьях, поспешно вынимаете острогу – и щука на дне вашей лодки!

Советую вам поохотиться с острогой, и если не чужды вы восхищаться картинами природы и хоть сколько-нибудь любите поэзию, то скажете мне большое спасибо.

На такую-то охоту звал меня однажды наш приходский дьякон, Иван Федорович Космолинский, торжественно объявив при этом, что накануне ездил с острогой пономарь Демьяныч и привез столько рыбы, что всех соседей до отвала ухой накормил, да еще лещей насолил кадушки две.

– Куда же мы отправимся? – спросил я.

– Конечно, на Ильмень, – отвечал дьякон: – чего же лучше! На Ильмене и Демьяныч охотился...

Но надо прежде всего познакомить вас с дьяконом.

Дьякон Космолинский, которого мы, прихожане, звали просто: отче, производил свою фамилию от греческого *космос* – мир и *лого* – говорю. Это был мужчина лет тридцати пяти, крепкого сложения, высокого роста, сильный и ловкий (ухватистый; как говорят мужики) и весьма приятной наружности. Нос у него был прямой, правильный, глаза голубые, а над довольно полными губами, из которых нижняя раздвоилась, красиво лежали белокурые усы; борода у него была тоже красивая, с мягкими волосами. Но более всего любил я дьякона за то, что он в душе был страстный охотник. Он непритворно сокрушался, что сан (слово это он произносил с какой-то особенной важностью) не позволяет ему охотиться с ружьем, и всегда с восторгом вспоминал то время, когда он, бывши еще учителем приходского училища, щеголял в нанковом сюртуке и триковых брюках и в свободное время по целым дням шатался с ружьем. Нечего говорить, что дьякон любил рассказывать про свои охотничьи похождения. Рассказывал, как одним выстрелом убивал по нескольку уток, как однажды, стреляя по кулику, смертельно ранил волка, которого недели через две мужики нашли околевшим где-то в поле, только шкура уж не годилась, потому что сильно подопрела, и т. п. Страсть к ружью он не утратил, даже сделавшись дьяконом. Чистить ружья и набивать патроны было для него величайшим удовольствием. Как только увидит, бывало, ружье, так сейчас же начнет дуть в стволы и осматривать капсюли.

– А ружьецо-то того... подгуляло, – проговорит, бывало: – чистки требует!

И, сняв поспешно рясу, засучивал рукава, завязывал узлом волоса и, собственноручно притащив воды, начинал промывать ружье, и только тогда, когда убедится, что ружье чисто, он ставил его на прежнее место, проговорив:

– Sat, satis! ¹

Сопровождать на охоту в качестве зрителя было тоже его первейшим удовольствием. Он даже любил подавать убитую дичь, причем лазил в воду и не боялся ни простуды, ни раковин, ни змей, ни острого камыша.

– Да что вы не стреляете? – бывало, спросишь его.

– Нельзя! – отвечал он глубокомысленно: – сан не позволяет! Сказано: ни едина тварь да не погибнет от рук твоих.

– А рыбу-то ловить разве не все равно? тоже – тварь.

– Нет, это – дело десятое! Все апостолы были рыбаки.

И действительно, дьякон, по примеру апостолов, был коренной рыбак. Отправиться в ночь куда-нибудь верст за десять с целой вязанкой удочек, с целью на излюбленном месте встретить зарю, было для него нипочем. Подоткнет, бывало, под кушак свое рыжее полукафтанье, надвинет на голову изодранную шляпенку – и марш.

– Далеко? – спросишь его.

– Под Шептаковку! Лещи икру начали метать, по камышам словно свиньи возятся, – сам видел!

А воротится, бывало, с пустыми руками.

– Где же лещи-то? – спросишь, бывало.

– Да что! Какая штука-то стряслась! вы послушайте-ка...

И начинает, бывало, рассказывать, какая стряслась с ним штука, а на поверку окажется, никакой с ним штуки не стряслось, а просто не было рыбы, да и лещей, возившихся подобно свиньям, он сам не видал, а поверил на слово какому-нибудь шутнику.

Тем не менее, однако, без отче и охота – не охота. И рыба не ловится, и дичи нет... Места, где держится рыба, он знал как свои пять пальцев. Первый сообщал всегда о прилете и отлете птиц. Подслушивал, где квохчут сомы, и сию же минуту летит с донесением: «Пойдемте, говорит, перемет ставить в Федотовой затоне. Сомы квохчут!»

Во время, рыбной ловли тут же на берегу варил уху и, надо сказать правду, варил великолепно, а главное, все это делал живо. Живо дров наберет, котелок приладит, рыбу перечистит, живо все это пристроит, не переставая в то же время следить за поплавками своих удочек, которых набирал всегда во множестве.

– Ну, ну, бери, что ли! – проговорит, бывало, поглядывая на удочки: – а то соскучусь, уйду! – И, смотришь, уговорил-таки, тащит какую-нибудь рыбу.

– Ишь, повел! Ишь, повел! – шепчет, бывало, поглядывая на удочки: – непременно лещ... Окунь, тот как собака хватает – с налету.

Словом, дьякон был молодец на все. Кроме рыбачества, он был мастер и мозоли вырезать и выправлять ногти на ногах, если растут неправильно и впиваются в тело, умел стричь волосы под *гребешок* или *а ля полька*; комнаты оклеивать обоями, а уж в бане никто, бывало, не сойдет так мыло, как он, никто так не нахлещет веником и никто так не натрет спину мочалкой, как он. Все косточки порасправит, все ребра переберет.

Бывало, засядешь с ним где-нибудь на берегу реки под тенью ивы (он и сиденье умел отлично устраивать; расковыряет, бывало, пяткой местечко для ног, нарвет лопухов, раздвинет камыш, и садись), закинешь удочки, а он начнет рассказывать разные анекдоты про семинарию, про монахов, про попов, про дьячка, обвенчавшего вокруг пенька в лесу какую-то свадьбу, – и не видишь, как время пройдет. Жадности, свойственной сану, он не имел, а потому

¹ Довольно, достаточно (лат.).

дом его был постоянно неухожен; и скотины он не имел никакой, ни амбарчика, ни хлевушка, ничего подобного не полагалось, а был только один плетень, которым он обнес свой двор, да и с тем плетнем случился скандал. Дело было так: наколотил отче осенью ветловых кольев и, не облупив их, заплел плетень. Пришла весна, смотрит: колья пустили побеги, а к осени сделались пушистыми деревьями. Пришла другая весна, деревья снова зазеленели роскошной листвой, и вместо плетня оказался сад, а плетень стал приподниматься. Взял дьякон топор и давай рубить плетень, а деревья и до сих пор зеленой стеной окружают его хату и служат любимейшим пристанищем для хлопотливых воробьев.

Красноречием дьякон обладал замечательным и, начиная что-либо рассказывать, заторопится и так, бывало, все перепутает, что ничего не поймешь.. Однажды как-то сообщил он мне, как лихорадку лечить. «Как же?» – спрашиваю. «А вот как: надо взять полушубок, отрезать клочок шерсти и положить в стакан воды; если шерсть потонет – значит, деготь хорош, потом взять и выпить этот стакан меду. И шабаш, как рукой снимет!» Рассказы свои он обыкновенно начинал так: «Прихожу домой, дьяконица чай пьет; тебе налить, что ли, чайку-то? – спрашивает, Я выпил три ли, четыре ли чашки, не помню, потом взглянул так в окошко», – и т. д.

Аппетит был у дьякона завидный. Побывать на двух-трех поминках, пропеть после блинов *чащу*, а затем раза два пообедать у *чистых прихожан* (так называли приходских дворян и купцов) – для него было сущим вздором. «Ничего, сойдет!» – скажет, бывало, и только губы у него пухли. Насчет возлияния тоже был не дурак и пил без разбору все, что бы под руку ни попало, и безо всякой последовательности. После хереса водку, потом опять херес, опять водку, затем коньяк, пиво. Водку именовал он разными названиями: то называл ее: *розонбе*, то *гронзобель*, то *аква буянис*, то *брыкаловкой*, то просто *она*...

– Она манка! одну выпьешь, сейчас и на другую потянет!

Увели как-то раз у дьякона лошадь (как-то на грех завел). Утром спохватился – нет лошади! Начал ее разыскивать, бросился к соседям. – Так и так, братцы, помогите, лошадь у меня последнюю увели: нельзя ли как в погоню по разным дорогам! Поскакали мужики, скакали, скакали; к вечеру вернулись домой. «Как в омут канула! – говорят: – нет нигде, измучились скакавши!» Дьякон послал за водкой; нельзя же, надо было поблагодарить православных. Распили; дьяконица плачет, дьякон тоже призадумался. «Ты вот что, отче, – говорят мужики: – завтра чем свет катай в Чапушку к Пузанку, он те укажет, где твоя лошадь!» – «На чем катать-то!» – говорит уныло дьякон. «Вона, – галдят мужики: – да я с тобой поеду, да тот поедет!» Наутро действительно к дьяконовской хате народу набрался целый содом. Тот привел лошадь, другой – лошадь, третий – лошадь – скачи на любой! Спорили, кричали: наконец запрягли сани тройкой, уселись; дьячок Константин Иванович тоже присел, и поехали в Чапушку. «Надо бы выпить на дорожку! – молвил кто-то: – чтобы господь счастья послал!» – «Можно», – говорит дьякон. Завернули к кабаку, выпили и поехали. В Чапушке никакого толку не вышло. Ставил было дьякон Пузанку четверть, чтобы указал, где лошадь, но водку выпили, а про лошадь ничего не узнали. Распили еще четверть, послали за третьей, да так всю ночь и прокружили, и только уже на другой день воротился дьякон домой. Скачет тройкой с колокольчиками, с бубенчиками, дугу разукрасили красными платками, сам дьякон стоит в санях, обнявшись с дьячком, машут платками, поют песни. Да и не прямо домой поехали, а велели себя по улицам катать; народ думал, что свадьба гуляет, а оказывается, что это дьякон лошадь разыскивает. «Ну что, нашел, что ли, лошадь?» – спрашивают его, а дьякон и ухом не ведет. Рублей двадцать, говорят, стоил ему этот розыск, а лошадь, которой цена пять рублей, так и пропала, словно в омут канула. И с тех пор дьякон лошадей не заводил.

Этот-то самый дьякон пришел приглашать меня на охоту с острогой и сулил чуть не горы разной рыбы, ссылаясь на удачную ловлю пономаря Демьяныча. Нечего говорить, что, заручившись моим согласием ехать с ним на Ильмень с острогой, он принял, со свойственной ему энергией рыбака, приготовляться к охоте.

– Надо теперь, прежде всего, лодку где-нибудь расстараться, – проговорил он.

– У Демьяныча попросить; чего же лучше?

– Захотели!

– А что?

– Во-первых, он не даст, потому – собака, а во-вторых, ехать в ней все одно, что в этой шляпе. Нет, я затоплюсь к Даниле Седову, у него челночок важный, легкий...

И отче, стремительно бросился вон из комнаты; не прошло секунды, как он уже, широко размахивая руками, промелькнул мимо окна, крикнув мне:

– Паклицы на всякий случай прикажите приготовить.

Не успели еще принести требуемой дьяконом паклицы, идти за которой было недалеко, как я услышал под окном какой-то странный шум: не то вихорь налетел, не то в барабан барабанял; я оглянулся, а это дьякон уже лодку тащит.

– Вот и лодка! – крикнул он и вошел в комнату. Лицо у него было багровое, пот катился ручьями.

– Зачем же вы на себе притащили! – проговорил я: – можно было бы работника с лошастью послать.

– Покамест ваш работник-то прособирается, я ее двадцать раз на себе приволоку. Ну, где же пакля?

– Послал, сейчас принесут.

– Кого?

– Карпа Галдина.

Дьякон бросился вон из комнаты.

– Вы куда?

– За паклей.

– Да ведь я послал.

– Карпа-то! – проговорил дьякон с презрением. И вышел вон из комнаты.

Минут через пять дьякон снова был уже возле лодки. Подмышкой торчал у него пучок пакли, а в руках колотушка и конопатка. Следом за ним, выпятив брюхо и переваливаясь с боку на бок, шел кривоногий Карп. На нем была из белых овчин шапка, из-под которой выбивались волосы беспорядочными прядями. По разинутым губам текли слюни, осовелые глаза глядели бессмысленно. Подойдя к лодке, он почесал в затылке и молча сел на землю, поглядывая на дьякона.

– Прикажете-ка смолы набрать! – крикнул дьякон и, поплевав на руки, принялся конопатить лодку, а шляпу бросил на землю.

– Карп! – крикнул я.

Карп вздрогнул и начал озираться кругом, не умея сообразить, кто и откуда зовет его. Наконец, увидав меня в окно, снял шапку и встал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.